

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. В. Бабашкин

Крестьяне, посткрестьяне и власть
в XX веке: приспособительные
стратегии с обеих сторон

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Babashkin.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL:<http://www.civisbook.ru>

КРЕСТЬЯНЕ, ПОСТКРЕСТЬЯНЕ И ВЛАСТЬ В XX ВЕКЕ: ПРИСПОСОБИТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ С ОБЕИХ СТОРОН

Существует интересная общая закономерность в области противостояния общинного крестьянства и структур центральной власти в аграрных обществах. Если в условиях развития модернизационных процессов центральная власть в крестьянском обществе представляет собой жесткий политический режим диктаторского плана, то крестьяне инстинктивно стремятся к укреплению привычных устоев общинной организации. Дело здесь в том, что обитатели деревни естественным порядком воспринимают энергичное вмешательство извне в свои дела как претензию не только на положенную к уплате в качестве налогов и податей часть своей продукции, но и на необходимую для пропитания семьи продукцию. А здесь проходит та грань, за которой крестьянское сопротивление власти приобретает новое качество, когда молчаливый и пассивный саботаж административных инициатив в любую минуту готов смениться открытым бунтом. Поэтому крестьяне всячески укрепляются в своей общинной организации, зная по опыту, что это их оружие отстаивания своих интересов непобедимо. И наоборот, если режим «поплыл», заигрался в либерализм, политический плюрализм и т. д. — значит ему не до деревни. Тогда набирают силу естественные процессы эрозии общинных отношений.

Закономерность эта описана и обоснована в специальной литературе¹. Если принимать ее в расчет, становится понятно, что столыпинская аграрная реформа была просто обречена на неуспех; она проводилась самым негодным из всех возможных способов: через задействование административного ресурса, «закручивание гаек» — а следовательно, через укрепление общины и

эскалацию ее пассивного скрытого каждодневного сопротивления правительственной политике (нередко — и активного открытого сопротивления). Поистине, «не знала правая рука, что делала левая». В. П. Данилов писал о слабом представлении власти на предмет того, *что* и *как* следует делать в направлении реформирования аграрного строя России, как о закономерности, характерной уже для нашей страны на протяжении всего XX столетия². А потому и ответные реакции крестьян (шире — посткрестьян: советских горожан в первом и втором поколении), в общем-то описанные в крестьяноведческой литературе, всегда были плохо предсказуемы для обитателей верхних эшелонов российской власти.

В последнее время некоторые историки, развивая идеи Данилова, пишут о *крестьянской революции в России 1902—1922 гг.*, на фоне которой многие хрестоматийные события политической истории страны приобретают непривычный ракурс. Вопреки представлениям либералов всех мастей (тогдашних и нынешних), верующих в то, что российские крестьяне спят и видят частную собственность на землю и подворное хозяйство, революционные события ясно и недвусмысленно показали, что огромное большинство российского населения привержено традиционным общинным (коммунальным) формам ведения хозяйства. Это обрекало (тогда, в начале прошлого века, — ныне с этим сложнее) политические теории и политические партии европейского образца на банкротство. Шанс мог быть только у такой партии, которая на деле готова была считаться с крестьянской позицией. И хотя теоретическую основу партийной программы большевиков составляли идеи европейского прогрессизма (марксизма), *большевизм* как идейно-организационная основа этой партии приходил в резонанс с действиями общинников на пиках революции. Большевизм в данном случае состоял в непримиримой, бескомпромиссной оппозиции ко всем другим политическим силам страны, и это к осени 1917 г. в точности совпадало с настроениями огромного большинства крестьянства

относительно хитросплетений городской риторики и политики.

Крестьянская революция к этому времени приняла форму самовольного захвата общинниками помещичьих и прочих земель в таком масштабе, что ни царское, ни тем более «демократическое» государство не могло с этим справиться. Поэтому приход большевиков к вершинам государственной власти был естествен: удержаться на этих вершинах могла только такая организованная политическая сила, которая решительно и немедленно дала бы декрет «О земле», имевший в основе своей, как известно, 242 крестьянских наказа с мест. А наказа эти, следует отметить, обнаруживали удивительно ясное понимание вроде бы не слишком образованными и искушенными в политических науках крестьянами своих интересов в той революции и удивительное же единство этих интересов по самым разным регионам необъятной империи.

Крестьянская революция отдала власть в городе большевикам, коммунально-организованное крестьянство заставило коммунистов в декабре 1922 г. признать де-юре победу общинной революции де-факто. А затем обе стороны векового противостояния — крестьяне и власть — вступили в период морально-психологической подготовки к какому-то рывку, большому скачку, который бы обеспечил партийно-государственной верхушке безоговорочную власть над обществом; крестьянам — что-то еще более смутно-утопическое, но без периодических голодовок и перманентного грабежа со стороны властей. Коллективизация как форма материализации этих ожиданий могла показаться обеим сторонам не вполне тем, о чем мечталось. Впрочем, обе стороны с большевистской энергией и крестьянской практичностью *приспосабливались* к новой реальности. Вехой на пути партийного приспособления стал «Краткий курс истории ВКП (б)», где в традициях оруэлловского Министерства правды было «научно» доказано, что это и есть социализм, построенный в одной стране, а другим он и быть не мог.

Однако то общество, основы которого складывались в нашей стране в 30-е гг., больше резонов называть не социализмом, а *коммунизмом*. Дело в том, что в результате действия глубинных предпосылок коллективизации советской деревни сбылась мечта Столыпина: громада российской крестьянской общины рухнула в одночасье. Образно говоря, общество оказалось завалено обломками этого гигантского обрушения, и для строительства нового общественного здания не было под руками другого материала. Небывалые темпы советской урбанизации позволили самому тонкому американскому эксперту по истории СССР М. Л. Левину даже так поставить вопрос, что социальную основу советской политико-экономической модели составили коллективизированные крестьяне в деревнях и урбанизированные крестьяне в городах: когда крестьянская община в России исчезла столь же внезапно, как Чеширский кот с ветки дуба, когда «аграрное царство» рухнуло, то общинность, крестьянственность как важнейшая черта «аграрного царства» осталась, подобно улыбке того кота, и царству промышленно-городскому пришлось ее унаследовать³. Иными словами, советское общество восприняло от общины (коммуны) очень многое в области социально-экономического и духовно-культурного уклада повседневной жизни⁴.

У коллективизации, вопреки популярному суждению, не было никаких альтернатив⁵. Другое дело, что, вопреки Краткому курсу, это был не коренной перелом, а возвращение на круги своя. Второе крепостное право — так колхозники 30-х расшифровывали ВКП (б). Одной из главных линий наследования стало вечное противостояние: крестьяне (народ) — власть. Тоталитарная российская крестьянская община рухнула. И неизбежным следствием этого стало распространение тоталитаризма на все общество, на его политическую систему. Народ, по обычаю, сохранил за собой неписаное право применять повседневные скрытые формы сопротивления власти, которые американец Дж. Скотт описал как «оружие слабых», как

общую закономерность социально-политической эволюции крестьянских обществ⁶.

Авторам хроникально-документального сборника по аграрной политике в Сибири в 30-е гг. удалось в заключительной статье обобщить основные линии поведения разных слоев сельского населения⁷: для основной массы колхозников было характерно парадоксальное сосуществование стратегии инкорпорирования в новую систему (ударничество, повышенные социалистические обязательства, организация «красных обозов» и прочие инициативы) со значительно более распространенным стремлением к «деинкорпорированию» из колхозной системы. Последнее выражалось в таких явлениях, как бегство из деревни, отходничество, выход из колхозов и систематическое уклонение от работы, оставаясь в колхозах, работа «спустя рукава». Если крестьяне в страду работали от зари до зари, то рабочий день большинства колхозников начинался в 10—11 часов утра и длился с простоями и перекурами до 17—19 ч. Качество работ в колхозе было низким, что экономило силы на работу в личном хозяйстве и давало больше возможностей для хищения с колхозных полей.

Возможности подворовывания в колхозе у рядового колхозника, кладовщика, бригадира и председателя были разные. Но, с другой стороны, чем выше была должность, тем ближе было положение ее занимающего к тому, что называется «между молотом и наковальней». И перед государством необходимо было выглядеть в выгодном свете в плане проведения хлебозаготовок, и колхозникам не дать пропасть. Колхозному руководству чаще всего приходилось лавировать: «Многие председатели и бригадиры руководствовались элементарной практической целесообразностью, стараясь любыми способами предохранить вверенное им хозяйство или бригаду от разорения, создать запасы на будущее, сохранить работников. Вот почему они стремились амортизировать прессинг государства. В условиях, когда хлебосдача в требуемых размерах могла обернуться подрывом хозяйства, руководство

колхозов использовало разнообразные и изощренные способы уклонения от выполнения заготовительных планов». Самыми распространенными из этих способов были следующие. Оттяжка с началом поставок государству и раздача колхозникам зерна из первых обмолотов до начала заготовок; превышение установленного законом 10—15-процентного предела при распределении зерна между колхозниками (нередко до 30%); нарушение порядка засева семенных участков, которые по закону освобождались от налогообложения (в семенной фонд засыпалась часть урожая с обычного поля, урожайность на котором по отчетам занижалась, а на семенном — завышалась); предоставление колхозного скота для нужд личного хозяйства; запутывание учета по хранению и вывозке зерна с целью оставить в хозяйстве хоть какую-то часть подлежащего вывозу хлеб; складирование колхозного зерна в амбары колхозников без точного взвешивания под предлогом отсутствия места на токах; укрывательство зерна в колодцах, под стогами и т. п.; скирдование хлеба вместо обмолота и засыпки в амбары, при котором точный учет урожая был невозможен. «Часть хлеба в колхозах намеренно подвергалась легкой порче, с тем чтобы найти повод для его оставления в хозяйстве, — пишут сибирские исследователи. — Иногда же государству сдавали менее качественное зерно, оставляя себе лучшее. Естественно, что все это делалось с ведома, а вероятно, даже по инициативе председателей колхозов».

Любопытная стратегия «деинкорпорирования» крестьян из колхозной системы описана участником исследовательского проекта «Голоса крестьян» А. Н. Снисаренко. Проводя комплексное обследование села Покрово-Марфино Знаменского района Тамбовской области, он обнаружил, что историческая память сельских жителей хранит добрые воспоминания о колхозной жизни в тесной увязке с личностью того или иного председателя. В местных колхозах на первых порах председательствовали бывшие старосты сельских обществ, и работа ладилась, многое шло по старинке. Например, успехи колхоза им. Дзержинского

связывали с тем, что председателем там долгое время был Меньшов, бывший управляющий на конезаводе у барина в соседнем Аносове. Крестьяне на собственном опыте убеждались: где хозяин хороший, там и дело хорошо идет, там и живут в достатке, а где нет хозяина — там вали, как выйдет, как получится. Но жить во взаимопонимании с крестьянами и одновременно угождать районным властям — задача не из легких. Поэтому председатели в колхозе стали меняться с калейдоскопической быстротой, иной раз по два в год, и, соответственно, претендовать на решающую властную роль они не могли. На это с момента районизации стали претендовать различные органы районной власти. Покрово-Марфино стало районным центром в 1928 г., и в зданиях барина Кадынского обосновались новые власти: райком партии, райисполком, военкомат, отделение госбанка. В центре, в домах крупных лавочников, в волостной избе также расположились милиция, прокуратура, суд, райпотребкооперация и др. Появилось много служащих, которые снимали жилье у крестьян, покупали у них продукты. А главное, у деревенских людей появилась возможность устраиваться во все эти учреждения на низовые должности. Это было хорошим подспорьем в жизни. Сочетая формальное членство в колхозе с такой должностью, многие крестьяне со свойственной им сметкой stalkивали колхозные власти со своим новым начальством, манипулировали в интересах своего семейства. Исследователь называет это явление складыванием новых «патронажных групп» и «патронажных отношений»⁸. Резонно предположить, что подобная практика существовала везде, где у деревенских жителей была возможность устроиться поблизости на работу вне колхоза.

По моему глубокому убеждению, наша страна на протяжении всего истекшего столетия продолжала оставаться обществом *посткрестьянским*. На одном из симпозиумов «Куда идет Россия?», участники которого весьма широко пользовались словом «посткоммунистическое общество», имея в виду постсоветскую Россию, я предложил нечто вроде определения общества посткрестьянского: это

традиционное (или крестьянское, или аграрное) общество, втянувшееся в процесс модернизации и потому постепенно перестающее быть крестьянским — значительно менее постепенно, чем проходили этот путь страны западноевропейской цивилизации, но значительно более постепенно, чем склонна трактовать официальная идеология этого общества⁹.

В таком обществе законы и распоряжения властей реализуются в тесной увязке с тем, насколько рядовые граждане общества видят в них смысл и пользу. В тех случаях, когда политическая линия власти совпадает с умонастроениями огромного большинства людей, происходят какие-то реальные сдвиги. Когда расхождения слишком велики, в лучшем случае, большинство рядовых граждан общества включают скрытое повседневное сопротивление, унаследованное от недавних предков, и законотворческая инициатива политической «элиты» спускается на тормозах. В худшем — возникают драматические коллизии. В целом же противостояние народа и власти в таком обществе достаточно плотное, и реальное движение осуществляется в направлении как бы резюмирующего вектора этих двух сил.

В одном из недавних номеров «Аргументов и фактов» есть любопытный материал, который в очередной раз убеждает, что эта закономерность благополучно действует и в столетии нынешнем. Автор публикации М. Головановская, поднимая болезную для гуманитариев тему реализации закона о ЕГЭ и комментируя некоторые особенности его реализации, выходит на широкое обобщение: «Какой закон в России ни прими, народу уже наутро известно, как его обойти. А кто собирается скрупулезно его исполнять, рискует потерять рассудок в чиновничьих коридорах... Из СССР мы вынесли удивительный опыт профанации любых законов, искусное умение договариваться, причем как с начальством, так и друг с другом... Много раз доказывалось, что бизнес, особенно малый и средний, не может существовать, платя

все налоги. Но он существует. Благодаря договоренностям о несоблюдении законов»¹⁰.

Конечно, сегодня РФ уже явно через новое поколение выходит из посткрестьянского в какое-то новое свое состояние. Но очевидно, что более адекватное законодательство как следствие более адекватных представлений «наверху», что творится с плодами законотворчества на необъятных российских просторах, должно стать важным условием этого выхода.

Библиография

---

¹ *Wolf E.* Peasants. Englewood Cliffs. N.J., 1966. P. 16—17.

² *Данилов В. П.* Из истории «перестройки». Переживания шестидесятника-крестьяноведа // Новый мир России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию проф. Вада Харуки. М., 2001. С. 413—428.

³ *Lewin M.* Russia/USSR in Historical Motion: an Essay in Interpretation // The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present. 1991. Vol. 50. № 3. P. 249—266.

⁴ См.: *Бабашкин В. В.* Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 107—108.

⁵ См.: *Кондрашин В. В.* Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 366—369; *Есиков С. А.* Могла ли быть осуществлена «бухаринская альтернатива» // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX — начале XXI в.: Материалы всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2009. С. 38—41.

⁶ *Скотт Дж.* Оружие слабых: обыденные формы сопротивления // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 26—59.

⁷ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930—1941 гг. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2002. С. 249—252.

⁸ См.: Архив проекта Т. Шанина «Голоса крестьян». Папка v13tam. Л. 1—12.

---

⁹ *Бабашкин В. В.* О некоторых закономерностях эволюции власти в посткрестьянском обществе // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 107.

¹⁰ *Головановская М.* Рюмка дружбы, или Почему в России не обязательно любить законы // Аргументы и факты. 2010. № 46. С. 23.